

(1302 г. н. э.). Уже из самого текста аренги явствует, что это — псалом, а именно — XXXIII, 4.²⁹

Для наглядности можно привести и следующие примеры (которые отнюдь не являются единственными): «... и пастоуси словесьныхъ овць стада Христова, епископи и свештеници, попове и дякони, попечениемъ прѣподобнаго явише се» (ЖСиС, 35), или не менее характерный случай: «... не бѣ бо противляющтааго се ему ни въ прѣкы глаголюшта, подвизае бо се о господи побѣдоу възеть на всѣ врагы свое и соупостаты и противляющтее се емоу» (ЖКиАС, 114). Очень экспрессивна синонимическая ассоциация сравнений с видовыми конкретными значениями, противопоставленная тяжести прискорбного известия, которое стратилат должен передать Стефану Немане: «Како явим се гоподиному нашему? которыи камень, кое желѣзно естество отнюдь таковые повѣсти теготы понесеть» (ЖС, 20).

Упомянутым приемам очень близко и сцепление синонимов в градации, какое встречаем, например, у Доментиана: «... како възлюбю Христа, како преда се емоу, како приближи се къ нему, како осеза неосезаемааго, како приближи се къ неприкосновеному, егоже херувими и серафими съ страхомъ трепештоуть, къ томуу ты въ послѣдняя лѣта оусрьдно приближи се» (ЖСиС, 32). Таких примеров немало у всех трех интересующих нас здесь авторов.

Для достижения большего абстрагирования и экспрессивности в повествовании древнесербские авторы иногда связывают слова и понятия в неожиданные для нас словосочетания. У Доментиана читаем: «И прогна отъ нихъ мыслъные влькы безбожьные нападающтее на стадо твое» (ЖСиС, 64). Наряду с необыкновенными словосочетаниями писатели того времени создают новые слова, которые подстать необыкновенным словосочетаниям. «Эти неологизмы необходимы писателям, с одной стороны, потому, что такие лексические образования не обладают бытовыми ассоциациями, подчеркивают значительность, «духовность» и «невыразительность» явления, а с другой стороны, будучи по большей части составлены по типу греческих, придают речи «ученый характер», как отмечает Д. С. Лихачев.³⁰ У Феодосия стратилат называет Савву «каменуотробным», Стреза же — «каменуумным». Подобные лексические словообразования предоставляют автору возможность также для «извития словес», для придания тексту определенной мелодичности и возвышенности: «... на свою бо крѣпость и въ тврдыню високаго камене каменуумны оуповае» (ЖС, 106).

«Извитие словес» по существу не что иное, как те же приемы риторической прозы, получившие свою теоретическую разработку у Горгия и Исократы, известные нам под названием «*Συζητάτα Γοργίου*». К славянским книжникам эти приемы пришли через византийскую гомилетическую литературу и стали составной характеристикой стиля выдающихся славянских проповедников и агнографов. Приемы извития словес нашли свое отражение и в произведениях Доментиана, Феодосия и Данилы. Вот один из многих примеров гомайотелевта (два или целая цепь предложений, иногда и членов предложения имеют одинаковые окончания): «И яже о нѣмъ прочѣтше разоумѣше, что не дѣахоу и что не хотѣахоу себѣ сътворити, но срамлю се сказати, давидова бо рекоу, рикахоу плачевно отъ болѣзни сръдѣца, и въздыханиемъ, и яко льви нокти изъ сръды оутробоу рѣвоуште звахоу любимааго, приемахоу власы, подъемахоу ризоу яко скро-

²⁹ Byzantina χρονικά. — Actes de l'Athos, actes publiés par V. Korabiev, СПб., 1915, стр. 402.

³⁰ Некоторые задачи, стр. 35.